

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІХ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1985

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

8. W.-P.Funk, Ein doppelt überliefertes Stück spätägyptischer Weisheit. - ZASA, Bd.103, 1976, Hft. 1, S. 8-21.
9. Случаи превращения одного имени в другое в рукописной традиции достаточно часты, ср., например, Ἀλκίνοος вместо Ἀλβίνοος (через посредство Ἀλκίνοος, см. J.Freudenthal. Der Platoniker Albinos und der falsche Alkinoos. Berlin, 1879,
10. Вопрос заслуживает специального рассмотрения; F. F.Wisse, Gnosticism and Early Monasticism in Egypt. - Gnosis. Festschrift für Hans Jonas, Göttingen, 1978, p. 431-440.

Шаталов О.В.

"КИТАЙСКИЕ ЗАПИСКИ" Ф.ЩЕГОРИНА
И РОССИЙСКИЙ АБСОЛЮТИЗМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ХУШ ВЕКА

В современной зарубежной историографии общепризнанной и, как кажется, не требующей по отношению к себе особо критических замечаний стала точка зрения считать зародившуюся в начале ХУШ века так называемую "синоманию" чисто европейским, а, точнее сказать, французским явлением, распространившимся затем в виде моды в екатерининской России. Такого рода соображение принято объяснять последствиями развернувшегося еще в петровское время процесса "вестернизации" общественной жизни страны, в ходе которого "русские были не способны сконцентрировать внимание на собственном опыте по Китаю",¹ предпочитая довольствоваться переводами с французского записок миссионеров или, что было чаще, работами предстателей лагеря Просвещения на китайские сюжеты.

Как представляется, данный подход является неверным по существу. Во-первых, трудно согласиться с тем обстоятельством, что за таким интересным и достаточно своеобразным явлением, каким представляется увлечение Китаем видными деятелями просветительской мысли, равно как и определенными кругами западноевропейского и российского дворянства, было закреплено название моды. Что это было не просто прихотливое и экстравагантное увлечение экзотикой Востока говорит сам факт того "превращения", которому оказывался подвергнут Китай на литературной европейской почве. В условиях острого идеологического противостояния, которым ознаменована вся вторая половина ХУШ века, "китайская тематика" в силу своей содержательной мобильности становилась на уровень той конкретно-исторической полемики, которая была посвящена вопросам

государственного управления и теории так называемого "просвещенного абсолютизма". При этом Китай не был в сфере монопольного внимания лишь со стороны мыслителей европейского Просвещения, так как к его жизни, законам, философии и истории обращались представители абсолютистских режимов для обоснования природы деспотической власти в своих собственных государствах. Недаром Екатерина II особым указом повелела перевести уголовное уложение Цинов, где "прославлялось единоначалие правления и узаконивались привилегии маньчжурской знати",² а также содержала на "казенный кошт" целую группу переводчиков, "специализировавшихся", помимо основной работы по ведомству того министерства, к которому они были приписаны, на выпуске переводов сочинений конфуцианского канона, которым сторонники или противники российского абсолютизма могли придавать то идеологическое направление, которое отражало их собственные политические симпатии.³

Во-вторых, нельзя упускать из виду, что адекватность представлений о Китае, во многом чуждых тому преувеличенному мнению о нем, которое бытовало в европейской традиции, было создано именно в России и определялось особым характером межгосударственных связей двух стран, где реалистичность оценок во многом способствовала успехам на дипломатическом поприще. Отсюда же проистекает и та сдержанность, порою даже и нелестность в суждениях о Китае, которая отличает записки русских очевидцев - членов духовной миссии православной церкви в Пекине, а также учеников китайского и маньчжурского языков. Так, например, в "Известиях о Китайском, ныне Манджуро-Китайском, государстве" архимандрита восьмой миссии Софрония Грибовского читаем, что "восписываемая европейцами ныне манджуро-китайскому правлению похвалы не заслуживают ни малого вероятия, которыя похвалы значатся в издаваемых ими книгах, в коих разве околичныя дела, не принадлежащие к сущности вещи, несколько справедливы, но и то пополам с ложью".⁴

В свете сказанного становится ясной и та позиция, которая была занята "просвещенной монархиней" Екатериной II в переписке с "синофилом" Вольтером, когда речь заходила, благодаря завидному постоянству последнего, о предмете его особой симпатии, - Китае, - замененной в позднее время не менее сильной "индийской" страстью. Известно, что "императрица и ее двор исповедывали самые просвещенные принципы, и ей настолько удалось ввести в заблуждение общественное мнение, что Вольтер и многие другие воспевали "северную Семирамиду", и провозглашали Россию самой прогрессивной страной в мире, отечеством либеральных принципов, поборницей религи-

озной терпимости".⁵ А раз так, то Екатерине было вовсе не обязательно делить воображаемую пальму "просвещенного" первенства с своей на редкость неуживчивой дальневосточной соседкой, каковой представлялась ей цинская империя, чаще всего ограничиваясь по поводу усилившихся "китайских" рекомендаций Вольтера замечаниями следующего рода: "... благодаря моим делам с этим /маньчжурским.- О.Ш./ правительством, я могла бы сообщить сведения, которые уничтожили бы мнение, составившееся об их умении жить, и заставили бы их считать за невежественных олухов; но не надо вредить своему ближнему. И так, я молчу и восхищаюсь сношениями уполномоченных Пропаганды, не противореча им. В конце концов, у меня дела с татарским правительством, покорившим Китай, а не с настоящими китайцами".⁶ Нужно сказать, что синофильские увлечения своего френейского корреспондента не разделял и другой не менее именитый европейский монарх - прусский король Фридрих II. Сообщая Вольтеру мнение одного католика-исследователя, аббата Паве, Фридрих II выразил основательное сомнение по поводу разумности и благополучия китайского государства, полагая, что "его терзают еще большие злоупотребления, чем те, на которые жалуются в наших западных странах".⁷

Правда, те же монархи, будучи отнюдь не безразличны к причудливым изгибам и прихотям моды, отдавали ей более или менее щедрую дань в виде скоропреходящего увлечения "лаковыми кабинетами", "чайными домиками" и, даже, "языческими пагодами". Хотя нередко оставались и свидетельства другого рода. В Центральном государственном историческом архиве г. Ленинграда хранятся дела, относящиеся к рассказу о судьбе иркутского купца Ф. Щегорина, который благодаря знанию китайского языка и обстоятельству русско-китайской торговли, был отправлен в должность секретаря при приставе восьмой духовной миссии В. Игумнове в Пекин. По всей видимости, человек большой энергии, недюжинного и пытливого ума, связанный своей собственной коммерческой деятельностью с Кяхтинским торгом, Щегорин посвятил, буквально, всего себя поискам "сокровенных сей древней /китайской. - О.Ш./ монархии терминов... и правил, составляющих спокойствие, славу и целость сей империи".⁸ Сумев заинтриговать важностью предложенных на "всеавгустейшее рассмотрение" вопросов, касающихся проблемы придания торговле с Китаем более широкого и планомерного характера, Щегорин был востребован Государственным Советом уже в царствование императора Павла I "для сообщения всего, что надлежит до указанного предмета". Однако, в условиях только что пережитого Европой революционного потрясения, в условиях сурового гонения в самой России бывших "либеральных"

пристрастий и увлечений, щегоринские проекты и записки, далеко перешагнувшие за пределы обычных поверений в "государственных секретах и тайнах" Китайского государства, и принявшие форму хорошо известных просветительских манифестаций, не могли быть встречены с сочувствием среди сановитых членов Государственного Совета. К началу XIX века монархи и их придворные потеряли всякий интерес к тому, чтобы быть поучаемым в делах государственного правления и "государственной мудрости", а философы в свою очередь отчаялись поучать чему-либо. Однако, этого не сумел уразуметь простой иркутский купец Ф.Щегорин. И поэтому совсем не удивительной может показаться та фраза в его письме на имя императора, скупко сообщающая, что "он расстроен, разорен, уничтожен, в долгах, состарился и среди ужасов нищеты, упоает на единое только монаршее... воззрение и милость".⁹ Как не случайно стремление не просто так, "даром", получить эту "высочайше дарованную милость"; почему на протяжении нескольких десятков лет, вплоть до 1826 года, прямым путем в архивы Сената и Синода поступали многочисленные записки, проекты, письма, то о мерах борьбы с наводнениями в Китае, то о соображениях Конфуция в связи с планом создания Тайного императорского кабинета для борьбы с "зловредными сектами", под которыми "китайцы разумеют революционные масонские ложи", и многие другие. Но как не актуальны должны были казаться все эти "китайские реминисценции" Ф.Щегорина - этого, поистину, Дон Кихота XIX века - среди "доверенных лиц" императорской фамилии они неизменно получали одну оценку, подобную той, которую встречаем в определении Государственного Совета от 1 марта 1799 года: "... оныя /проекты. - 0.Ш./ суть токмо произведения разгоряченного воображения /и/ ...содержат в себе одну умственную феорию, на самом деле неудобно исполнимую".¹⁰ Хотя, ради справедливости нужно отметить, что по целому ряду щегоринских предложений, в вопросах, касающихся русско-китайской торговли, были приняты соответствующие меры, как скажем, "Постановление на производство заграничной меновой торговли в Кяхте" от 1800 года и "Наставление из Государственной Коммерц-Коллегии избираемым от торгующего в Кяхте купечества компаньонам" того же года.¹¹ Что, впрочем, также может явиться одним из лучших подтверждений, предложенного в самом начале настоящих заметок, тезиса о сугубо практическом, чуждом преувеличенных суждений, характере отношений к Китаю среди определенных представителей российского дворянства.

I. E. Widmer. The Russian ecclesiastical mission in Peking during

the eighteenth century. Cambridge, Mass., 1976.

2. П.Е.Скачков. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977, с. 67.
3. Имеются в виду переводы А.Леонтьева, А.Агафонова, А.Владыкина и др., а также использование переводов А.Леонтьева в журналах Н.Новикова. Об этом см. подробнее: О.Л.Фишман. Китайский сатирический роман. М., 1966, с. 165-166.
4. Грибовский /архимандрит Софроний/. Известие о Китайском, ныне Манджуро-Китайском, государстве. М., 1861, с. 8.
5. Ф.Энгельс. Какое дело рабочему классу до Польши? - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 16, с. 165-166.
6. Вольтер и Екатерина П. Переписка Вольтера с имп.Екатериною. Изд. В.В.Чуйко. СПб., 1882, с. 102.
7. Цит. по: К.Н.Державин. Китай в философской мысли Вольтера. - В сб.: Вольтер. Статьи и материалы. М., 1947, с. 114.
8. ЦГИА, ф.1409, оп. 1, № 53, л. 1.
9. ЦГИА, ф.1147, оп. 1, № 682, л. 3об.
10. Цит.по: П.Е.Скачков. Указ.соч., с. 87.
11. ЦГИА, ф. 796, оп. 448, № 1, лл. 8,14-20.

О.П.Щеглова

НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНИЯ НА ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ В ИНДИИ

Первые опыты книгопечатания на персидском языке в Индии относятся к последним десятилетиям XVIII в., т.е. ко времени установления власти Ост-Индской компании на территории Бенгалии. Документальное свидетельство о создании персидского наборного шрифта содержится в выпущенной в Калькутте в 1778 г. "Грамматике бенгальского языка". В предисловии ее автор, английский чиновник, Натаниел Бресси Холхед, сообщает, что генерал-губернатор Бенгалии Уоррен Хейстингс (Гастингс) поручил чиновнику из аппарата Ост-Индской компании, хорошему знатоку санскрита и других индийских языков, Чарльзу Уилкинзу (Вилкинзу) изготовить шрифт для печатания на бенгальском языке и что он, Уилкинз, создал также шрифт для персидского языка.¹

Иначе говоря, в 1778 г. уже существовал шрифт для наборного печатания персидского текста. Сохранилась книга, выпущенная в 1761 г., в которой часть текста была напечатана на персидском языке. Сколько можно судить по названию, это было руководство для